

Старинный друг

Редакция Альманаха присоединяется к Вере Зубаревой и поздравляет Анатолия Глуцака с возрастом зрелости – 70-летием.

День стоял солнечный и легкий. Легкость сквозила в воздухе, в ненавязчивом августовском солнце, и это сказывалось на ощущении окружающего мира: казалось, люди запросто открывались, как добрые книги. В тот день я перешагнула порог одесского Союза писателей, где у меня была назначена встреча с Анатолием Степановичем Глуцаком.

Я слышала о нем от многих друзей и знакомых, но самой главной для меня была рекомендация моего отца Кима Беленковича, того самого "лоцмана на трубе", который не только ввел в порт затонувший "Моздок", но и стал моим проводником в этом непрестом жизненном плавании.

Итак, с легкой руки моего отца, я переступила порог кабинета, в котором меня ожидал Анатолий Степанович. На столе лежала моя рукопись, которую он предварительно получил для ознакомления с тем, что я делала. "Старинный друг" — так называлась поэма, о которой пошел разговор, затронув многие вопросы и проблемы как профессионального, так и чисто человеческого толка. Не знаю, почему мой выбор пал именно на эти стихи, но они стали символическими для всех наших дальнейших отношений.

Много можно говорить и писать о литературном мастерстве Анатолия Степановича Глуцака, о его поэзии, журналистике, переводах, равно как и его издательской деятельности. Он профессионален во всем, чем занимается. Глубина и многоплановость его поэтических образов, его пронзительное лирическое ощущение мира находят моментальный отклик в сердце и душе того, кто настроен на волну "чистой красоты". Для меня он всегда был и есть мастер слова, мастер образа и мастер эмоционального воздействия посредством образа и слова. Но главное — это то, что его стихи всегда слиты с ним самим. В них наряду с лиризмом угадывается бескомпромиссность и открытость их автора, его неподдельность, его прямота. Облегчали ли эти качества ему жизнь? Вряд ли. Но из них и возникал весь его поэтический мир — волнующий, неоднозначный, то нежный, то резкий... Его стихи ассоциируются у меня с садом, деревьями, в тени которых можно предаться размышлениям в солнечный день, но которые могут нещадно отхлестать ветками в бурю.

Сколько помню его, он никогда не юлил, ни с кем не был ни подобострастным, ни наоборот — чопорным и надменным. Местечковая элитарность и снобизм не присущи ему по природе. Он принял меня, тогда еще не публиковавшуюся девочку-поэтессу, как равную, как коллегу, хотя и младшую, и не было в его комментариях ни снисхождения мэтра (каковым он тогда уже был), ни прочих удручающих любого молодого автора вещей. Я вошла к нему в кабинет как равная, и то, что он сказал мне в ту первую встречу, впоследствии сбылось.

Пожалуй, если бы мне нужно было выделить одно, наиболее характерное качество Анатолия Степановича, я бы сказала: "Он умеет быть самим собой". И то же относится к его литературным работам. Всем. Благодаря этой особенности он и отличает безошибочно настоящее от подделки.

Мой старинный друг, Анатолий Степанович!

Все опять, как прежде, — на столе поэма,
По странице солнечный зайчик скачет..
Не пространство тот день сохранило, но время.
Значит, время сильней, значит, время могучей.
Если с прошлым в согласии мы — не в разладе,
Если стало оно настоящим и будущим,
Значит, мы не о том грустим на закате.
Что для солнца закат? Только путь к восхождению.
Да и то, с точки зренья лишь этой планеты.
Ну, а тело с душой — как пространство со временем.
Если ночь при свече — значит, будут рассветы.

